

П.Н. Лукичёв

**ОБЩАЯ ТЕОРИЯ
СОЦИАЛЬНОЙ
ДИНАМИКИ:
ОСНОВАНИЯ
И НАЧАЛА АНАЛИЗА**

Изд. 2-е

Монография

*Ответственный редактор
д-р фил. наук, проф.
Ю.Г. Волков*

**RU
science**
RU-SCIENCE.COM

Москва
2017

УДК 316.4
ББК 87.6
Л84

Рецензенты:

С.И. Самыгин, д-р соц. наук, проф.,
Ю.А. Бахвалов, д-р техн. наук, проф.,
И.В. Мостовая, д-р соц. наук, проф.

Автор

П.Н. Лукичёв, проф. кафедры конфликтологии Южного Федераль-
ного университета, д-р соц. наук, канд. фил. наук

Лукичёв, Павел Николаевич.

Л84

Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа. — Изд. 2-е : монография / П.Н. Лукичёв ; отв. ред. Ю.Г. Волков. — Москва : РУСАЙНС, 2017. — 324 с.

ISBN 978-5-4365-2006-3

Монография посвящена рассмотрению социальных закономерностей, проявляющихся в процессе поступательного движения общества, его структурных изменениях и ситуационной динамике. Исследуются факторы, вызывающие эти изменения и обуславливающие их характер. Показана теоретическая равноценность факторов. Особое внимание уделено фактору демографического роста социума, который представлен подчиненным естественным законам – автор называет их началами общей теории социодинамики на том основании, что они должны служить исходными положениями для становления социологии в качестве точной науки.

Предназначена для студентов, аспирантов и преподавателей, а также всех интересующихся проблемами социодинамики.

УДК 316.4
ББК 87.6

ISBN 978-5-4365-2006-3

© Лукичёв П.Н., 2017
© ООО «РУСАЙНС», 2017

Содержание

Посвящается	4
Введение	6
Глава первая. Философские основания социодинамики	20
1.1. Исходные положения	21
1.1.1. Договоримся о терминах	24
1.1.2. Аксиомы и постулаты социодинамики	46
1.2. Человек, потребности, общество	61
1.2.1. Проблема личностных потребностей	62
1.2.2. Потребности как источник социальной активности	72
Глава вторая. Факторы социальной динамики	87
2.1. Экзогенные факторы социальной динамики	92
2.1.1. На дальних рубежах	93
2.1.2. На границах социальной системы	107
2.2. Эндогенные факторы социальной динамики	115
2.2.1. Культурно-исторический и демографический факторы	119
2.2.2. Традиционные факторы	132
2.3. Эндогенные факторы социальной динамики (продолжение)	140
2.3.1. Взаимодействие обществ и индивидов	141
2.3.2. Информационный аспект социальной динамики	147
Глава третья. Начала общей теории социодинамики	172
3.1. Первое начало социальной динамики	181
3.1.1. Источник социальной динамики	182
3.1.2. Константа социальной стабильности	199
3.1.3. Иллюстрация первого начала социодинамики	210
3.2. Второе начало социодинамики	221
3.2.1. Условная продолжительность жизни поколения	224
3.2.2. Вторая константа социальной стабильности	240
3.3. Третье начало социодинамики	258
3.3.1. Энергетическая характеристика социальной системы	265
3.3.2. Работа общества	277
Заключение	300
Литература	308

*Посвящается светлой памяти
моего деда, Харченко Владимира
Ивановича, основателя и первого
директора Благовещенского
государственного
педагогического института*

Дед мой, Харченко Владимир Иванович, обладал удивительной способностью: по отрывочным, а часто и искаженным сведениям, черпаемым из советской прессы, не только полностью восстанавливать картину политической реальности, но и предвидеть события будущего. Возможно, это было следствием тяжелого жизненного опыта – участия в Гражданской войне, идеологических распрях в период между войнами, занятия педагогической деятельностью, пребывания в сталинских лагерях, через которые он прошел, не потеряв мужества и не склонив головы. Так или иначе, но его прогнозы всегда поражали меня своей точностью. А несправедливость его судьбы, мои детские годы, насыщенные его воспоминаниями о минувшем, пробудили во мне интерес к истории и желание разобраться в ее законах и сути социальных процессов.

Наверное, многим, кто когда-либо увлекался или углубленно занимался историческими изысканиями и социальной философией, приходила в голову мысль о необходимости превращения социологии в точную науку, формализованную до математических уравнений, применение которых позволяло бы предвидеть варианты будущего и осуществлять действия, однозначно приводящие к желаемому результату. Да и то сказать: если человеческий мозг, созданный длительной эволюцией и биосоциальной козволюцией, способен оценивать наличествующую ситуацию и просчитывать возможности ее изменения на интуитивном, неосознаваемом, подсознательном уровне, то, каким бы сложным ни был процесс, он может быть переведен из образного и чувственного состояния на язык слов и строгой логики. Это, в свою очередь, означает, что так же, как мы выражаем уравнениями законы физического мира и используем их для достижения своих, человеческих целей, мы можем выразить математическими символами и формулами законы общественного бытия и, используя количественные соотношения, ставить и решать вопросы «почему?» и «каким образом?» осуществляется то или иное социальное событие и к чему оно

приведет. Сакраментальное «quo vadis?» должно быть осознано в полной мере, чтобы стал возможным разумный выбор направлений социальной эволюции и социология превратилась в отрасль точного научного знания.

Однако, в настоящее время мы, по сути, еще далеки от такой социологии и той роли, которую она должна играть в человеческом обществе. Хотелось бы надеяться, что представляемая работа делает шаг к означенной цели. Я выражаю глубокую признательность и благодарность за помощь и советы своему научному консультанту члену Российской академии гуманитарных наук, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору, доктору философских наук Всеволоду Евгеньевичу Давидовичу, за ценные замечания и благосклонность – профессору, доктору технических наук Юрию Алексеевичу Бахвалову, профессору, доктору технических наук Сергею Вениаминовичу Жаку, за поддержку и веру в мои скромные силы – маме и жене, а также всем друзьям, которые помогали мне и моей семье даже тогда, когда приходилось работать не столько благодаря, сколько вопреки обстоятельствам.

Введение

Шел 1842 год, когда из печати появился завершающий, шестой том замечательного труда, который должен был принести неувядающую славу своему создателю. Предыдущие главы уже были встречены с восторгом читающей и взыскательной публикой, интересы которой приковывали философские, социальные и естественнонаучные вопросы. Этим произведением был «Курс позитивной философии» (*Cours de philosophie positive*)), а его автора звали Огюст Конт [102; 103].

Основатель философии позитивизма предложил оригинальную схему построения научного знания в виде пирамиды, основанием которой является глубоко абстрактная, но вместе с тем эмпирически достоверная наука, чьи положения либо легко проверяются на практике, либо в принципе могут быть использованы в практическом опыте, — математика. Учитывая аксиоматичность ее построений, рационализм и надежность выводов, все здание человеческих знаний должно быть подчинено в своей архитектуре такой же логической строгости, и соответственно законы, выведенные в области математических дисциплин должны служить фундаментом позитивного научного представления о мире. Наиболее близка к этому идеалу физика, принявшая математическое выражение результатов эксперимента и наблюдения в качестве своего инструментария и положившая необходимым всякое теоретическое построение проверять опытным путем. Третий этаж пирамиды образует химия, в которой О.Конт с гениальной прозорливостью усмотрел потенцию к превращению в математически строгую науку, хотя в то время можно было лишь условно и с большими оговорками вести речь о подобных тенденциях ее развития. На базе физических и химических явлений возникает и функционирует живое вещество. Поэтому законы, открытые физикой и химией, высвечивают себя на биологическом уровне. Они модифицируются в соответствии с усложнением строения материи, но, безусловно, должны учитываться при изучении живых организмов и являются основанием закономерностей функционирования биологических систем. И, наконец, за всем этим следует социальный уровень, изучению которого должна посвятить себя наука, названная О.Контом социологией.

В понимании французского мыслителя, ученика и соратника великого идеалиста Анри де Сен-Симона, мечтавшего об изменении мира и торжестве принципов доброты и справедливости, сознательное преобразование социальной действительности возможно лишь тогда, когда станут известны законы общественного развития, и этой задаче призвана

служить наука об обществе, его организации и функционировании. Определенная в таком ракурсе, социология должна впитать в себя знания, добытые другими науками. И так как человеческое общество существует в физическом мире, а человек представляет собой биологический объект с характерными для него химическими процессами, то законы физики, химии, биологии являются теми компонентами, из которых складывается общественная реальность и которые создают комплексы социальных закономерностей. Их исследование таким же образом, как это происходит в физике и химии, должно подчиняться принципу наглядности опыта, что в социологической спецификации принимает характер сравнительного наблюдения и исторического анализа фактического материала. Но в любом случае перспектива развития обществознания состоит в столь же четком, как в физике, формулировании законов, на языке математики описывающих социальные процессы.

«Все течет, все меняется», – эта истина, высказанная Гераклитом Темным из Эфеса, отражает существующую на всех уровнях строения материи ее динамическое свойство. В абстракции, конечно, мы вправе отвлечься от кинетической стороны процесса – от сил, действие которых порождает движение, и рассматривать любой объект кинематически. Но то, что естественно для физических явлений, может быть с таким же успехом применено и по отношению к обществу. Поэтому социология, по мысли Конта, должна быть представлена двумя направлениями – социостатикой, изучающей общество как ставшую формацию – образование, обладающее системной организацией, структурой, обуславливающей эту целостность, характерными для данного периода социальными институтами, и социодинамикой, исследующей общество в движении, социальные процессы и силы, определяющие направление их течения. Чтобы стать позитивной наукой, социология обречена на использование математических формул и количественный учет своего материала. Это в равной мере относится и к социостатике, и к социодинамике. Количественным выражением социальных процессов могут быть статистические данные, исследуя взаимозависимости которых социология в состоянии вывести законы функционирования общественных систем.

Таким образом, в контовской позитивной философии термин социодинамика встречается впервые, и впервые, естественно, к этому разделу научных знаний предъявляется требование математического выражения законов социального движения.

Непосредственно на французской почве эта идея находит продолжение в трудах Эмиля Дюркгейма, дата рождения которого на один

год отстоит от даты смерти Огюста Конта. В работах Дюркгейма прослеживается установка на исследование собственно социальных фактов, каковой анализ должен привести к открытию закономерностей в осуществлении обществом своих функций: они по отношению к индивиду имеют такую же принудительную силу, как земное притяжение к падению брошенного камня [72].

Данный подход Дюркгейм успешно применяет при исследовании статистического материала самоубийств, показывая их зависимость от социальных условий и даже погодных факторов [73]. Однако на тот момент времени количественного материала социальных процессов еще не было накоплено в достаточном объеме (как, может быть, впрочем, и сегодня) и поневоле контовское позитивное исследование приходилось подменять качественным анализом в виде интуитивно-теоретических построений, основанных на философских, мировоззренческих посылах. Это отразилось и на творчестве Дюркгейма и на трудах иных социологов, интерпретировавших контовскую социодинамику как социальную эволюцию. Подобное истолкование, например, было осуществлено английским мыслителем Гербертом Спенсером [214].

Деятельность Спенсера оказалась чрезвычайно плодотворной в плане представления общества как сложной и развивающейся системы, напоминающей целостность биологического организма. Утверждение о согласованном взаимодействии всех его структурных компонентов и институтов в значительной мере будет способствовать упрочению в сознании исследователей общественных явлений идеи системности и приведет в последующем к мощному интересу социологов к так называемой общей теории систем [напр.: 12; 45; 46; 50; 51; 79; 93; 109; 132; 170; 198].

Конкурировавшая со спенсеровским эволюционным подходом философия марксизма в качестве центрального понятия станет использовать термин революция, подчеркивая тем самым скачкообразный характер структурных преобразований общественной системы. А их синтез, произошедший на русской почве, выдвинет на первый план проблему общественного прогресса, которая будет усиленно обсуждаться в трудах теоретиков народнического движения. Впрочем, значительное влияние позитивистской философии Конта на народников вкупе с идеей «хождения в народ» привело к становлению в пореформенный период земской статистики, которой нет равных в мире по количеству, полноте и точности собранных данных. Они, к сожалению, не получили должной оценки и осмысления ни тогда, ни сегодня. Когда накопление фактического материала еще было только в начальной

фазе, его явно не хватало для теоретического осмысления, а в нем демократическое движение России испытывало острую нужду во второй половине XIX века. В результате вместо социодинамики и социостатистики рождаются социально-философские концепции. Когда же некоторый материал к концу века был накоплен, и наступила пора размышлений над ним, выяснилось: это такая гора разнородного и чаще всего бессвязного материала, что выстроить на его зыбкой почве какую-либо теоретическую конструкцию, найти в нем какие-либо закономерности невозможно. А можно лишь привлечь его для иллюстрации уже готовых теорий, выведенных не из эмпирии, а из тишины библиотечных комнат и кабинетов, личного опыта ученых, подвергшихся репрессиям революционных практиков, затаивших обиду на весь мир, и растущего во всех слоях общества недовольства существующим порядком вещей. Хотя, действительно, надо заметить, для обнаружения упорядоченности фактического материала статистики уже необходимы некоторые теоретические посылки. Потому что, во-первых, чтобы найти, уже необходимо знать, что, собственно говоря, ищется, а во-вторых, статистические данные сами по себе мало что значат, если отсутствует способ их интерпретации, и используются чаще всего для верификации концептуальных конструкторов. С другой стороны, и российское правительство потеряло интерес к земской статистике, которую поначалу поддерживало, потеряло потому (как и любое правительство, если статистика сохраняет независимое лицо), что желаемое не соответствовало полученным сводкам цифр, и лучше видеть сладкие сны, чем жестокую правду. Так и получилось, что русская социологическая мысль пошла по проторенному пути создания философских теорий.

Крупнейшим пропагандистом идей контовской позитивной социологии и принципов социодинамики в России стал Петр Лаврович Лавров. Правда, в философии Конта он видел слишком много недочетов, чтобы стать его прямым последователем, и собственное мировоззрение обычно называл антропологическим. Толкуя антропологию довольно широко как науку о человеке и человеческом обществе, он относил к ней всю сумму накопленных знаний (ибо их конечная цель — служить совершенствованию социальной организации): механику, физику, юриспруденцию и т.д. К тому же, понять сущность общественных отношений, по его мнению, невозможно без знания природы человека, а перечисленные научные дисциплины в той части, которой обращены к человеку, помогают охватить ее реальную сложность и органическую системность. Она же должна служить отправной точкой всякого философского построения [111, 91].

В «Очерках вопросов практической философии» Лавров декларировал в качестве ключевого пункта понимания общественных явлений теорию личности. Чтобы создать науку об обществе «надо взять человеческую личность в ее психологических данных» [112, 353]. По его мнению, человек, будучи продуктом природы и подчиняясь ее законам, является в то же время причиной динамики общественного развития и всех воздействий общества на природу. Обращая внимание на существующее противопоставление естественных наук и обществознания, Лавров указывает на различие их методов и неодинаковую достоверность получаемых ими результатов. Науки о природе располагают совокупностью точных знаний, тогда как история и социология остаются описательными, дающими лишь вероятные выводы, которые напоминают предсказания погоды. Но эта слабость и относительная неразвитость и должны как раз побуждать к интенсивной разработке вопросов истории и связанных с ними социологических проблем, чтобы через прошедшее познать настоящее и быть способными прогнозировать будущее. В этом аспекте контовская социодинамика обретает у Лаврова естественный закон, выражаемый «формулой прогресса», каковым является развитие личности в физическом, умственном и нравственном отношениях, воплощение в общественных формах идеалов истины и справедливости [113, 40]. Однако тут же он искренне признается, что понятие прогресса – не более как субъективный взгляд на события с точки зрения нравственных убеждений.

Надо сказать, что философские и социологические труды Лаврова до сих пор не оценены по достоинству, причина чему, видимо, состоит в приклеенном некогда ярлыке недалёковидного идеолога народничества, не сумевшего подняться до пролетарской точки зрения и усвоить марксизм. Между тем, его размышления чрезвычайно интересны и сохраняют актуальность по сей день не только в отношении к социологии и ее методам. Его субъективная социология предвосхитила современные представления о научных методах вообще, когда, наконец, стало ясно, что и в естественных науках «чистого» эксперимента не бывает, и экспериментирующий субъект влияет на результаты опытов. Задолго до З.Фрейда Лавров вводит понятие бессознательных мотивов поведения, обусловленных двумя источниками – биологической природой социального индивида и обществом, культурные формы жизнедеятельности которого усваиваются человеком и воспроизводятся им чаще всего бессознательно.

Другим русским сторонником контовской системы стал князь Петр Алексеевич Кропоткин, бывший одним из немногих прямых по-

томков Рюрика. Изложению и анализу учения французского мыслителя он посвятил специальный раздел в своей книге «Современная наука и анархия» [108]. Социология, по мнению Кропоткина, это наука, изучающая законы, которым подчиняется общество в своем поступательном движении, и задача ее состоит в том, чтобы определить вероятное направление дальнейшего развития человечества. С точки зрения методологии познания, она ничем не отличается от наук о природе, использующих индукцию для определения законов движения физического мира. В этом аспекте рассмотрения социология, конечно, предстает как контовская социальная динамика. Однако, подобно Лаврову, он сводит динамический процесс к понятию прогресса. Поскольку общество представляет собой органическую систему, то, как и любой организм, имеет части, находящиеся в согласованном взаимодействии. Эволюционное усложнение, увеличение числа компонентов, составляющих более развитое органическое целое, обуславливает рост их взаимозависимости, что и составляет сущность прогресса. На личностном уровне это выражается в совершенствовании социальной солидарности индивидов [107, 209–210]. Тем не менее, прогресс не есть линейное движение. История дает примеры тому, как периоды поступательного движения в направлении роста солидарности индивидов и общественных учреждений сменяются периодами застоя и регресса, когда господствующие формы целостности налагают «гнетущие узы» на свободу личностей, входящих в добровольное объединение. В итоге конечная «формула прогресса» состоит в том, «какие общественные формы лучше обеспечивают в данном обществе и, следовательно, в человечестве вообще наибольшую сумму жизненности» [108, 44].

Рано ушедший из жизни современник и почти сверстник Кропоткина Петр Никитич Ткачев стал в России одним из первых популяризаторов учения К.Маркса. Применив к нему контовскую схему социологии, он отнес к социостатике марксистскую концепцию базиса и надстройки, а к социодинамике идею смены общественно-экономических формаций, представляющую собой поступательное движение. При этом он выделяет три элемента понятия прогресса. Во-первых, движение, что отличает прогресс от застоя; во-вторых, направление, благодаря чему прогресс отличается от регресса; в-третьих, цель, в которой воплощается стремление людей к наилучшим условиям жизни. Последнее является одновременно и критерием прогресса, что выражается в таком объективном основании, как потребности человека и существующие возможности их удовлетворения в различных формах общественной жизни. В результате поступательное развитие представ-

лено ростом производительности труда, обуславливающей с количественной и качественной стороны удовлетворение потребностей каждого отдельного индивида общества [217, 205]. Существенным моментом социодинамических представлений Ткачева выступает идея о соотношении постепенности и скачков в общественном развитии. Эпохи плавного накопления изменений в силу возникающей и нарастающей диспропорции между запросами индивидов и способности общества их удовлетворять сменяются периодами революционного переустройства общества. Но если бы оно было предоставлено самому себе, то его инерционное движение могло бы продолжаться бесконечно долго. Однако находятся люди, лучше других осознающие нарастание рассогласования в функционировании социальных институтов и предлагающие пути и средства его коренной трансформации. Это революционное меньшинство прерывает состояние инерции и выступает силой, вынуждающей общество встряхнуться и совершить скачок к новым видам организации, соответствующим более высокой стадии прогресса.

Уже в концепции П.Л.Лаврова содержалось учение о роли «критически мыслящих личностей», и оно находит продолжение в публицистических этюдах Николая Константиновича Михайловского, где развивается идея «толпы и героев». Для начала все же следует сказать о социологическом методе Михайловского, который он вслед за Лавровым называл субъективной социологией, но отличие которого состояло в требовании к исследователю встать на точку зрения исследуемого, наблюдаемого объекта и пережить изучаемое событие вместе с ним. По сути, Михайловского надо считать родоначальником «понимающей социологии». Поставить себя на место изучаемого объекта означает представить совокупность составляющих его индивидов как действующих на основе своего нравственного чувства и сознательной воли. Таким образом, процессы социальной динамики выступают перед нами подчиненными сознательной деятельности людей, осуществляемой независимо и даже вопреки каким бы то ни было объективным законам, обнаружить которые тщатся иные мыслители. Нет таких законов, которые однозначно предписывали бы будущее состояние общества, ибо оно создается в настоящий момент усилиями живущих людей. Они выбирают вариант желаемого будущего, вставая под знамена противоборствующих «героев» [153].

Человек – нуль. Толпа – сумма нулей. Единица, стоящая впереди, – это вождь, увлекающий толпу за собой. Но именно количество нулей, следующих за единицей, определяет силу движения. Герои-вожди способны обратить эту силу «на хорошее или дурное», «благо-

роднейшее или подлейшее, разумное или бессмысленное дело». Впрочем, героями, по Михайловскому, не рождаются и даже не становятся. Вождями героев делает толпа, и она же наделяет «первого встречного» героической харизмой под воздействием случайного стечения обстоятельств. В результате и ничтожество может возвыситься в глазах толпы и увлечь ее за собой, порождая состояние массового психоза. Почвой его возникновения являются условия жизни. Масса населения существует в патологически узкой сфере интересов, переживает набившие оскомину однообразные впечатления. Незрелость духовных запросов и их ограниченность делают толпу тем восприимчивее, чем необычнее внешний раздражитель. Авантюрист, чудака, юродивый, выскочка, психически больной человек или человек бескорыстный, провозглашающий идеалы святого братства людей, равенства и свободы, могут оказать влияние на опустошенное сознание и обессиленную волю людей толпы и толкнуть их на любое действие, вызванное произведенным впечатлением [154].

Конечно, такое отношение героя и толпы является ненормальным, патологическим, в определении Михайловского. Психологическая патология рождена существующим и прогрессирующим в обществе разделением труда. С одной стороны, индивид представляет собой органическую целостность, совершенствование которой состоит во все большей сложности личностных качеств человека. Ему свойственно стремиться к совершенству и согласованию этих характеристик, что обуславливает сохранение и развитие его целостности как биологического существа и как личности. С другой стороны, и общество выступает органически целостной системой, развитие которой идет через усложнение и дифференциацию социальных функций, выполняемых индивидами, что порождает все большее разделение труда между ними. Последнее же приводит к оскудению внутреннего мира и духовного богатства личности. Для нее этот процесс регрессивен, поскольку происходит утрата индивидуальности. Выхода из этого противоречия нет, и потому неизбежно вечное противостояние личности и общества. Но «...мне дела нет, – говорит Михайловский, – до его совершенства, я сам хочу совершенствоваться. Пусть оно стремится побороть меня, я буду стремиться побороть его. Чья возьмет? Увидим».

В кратком очерке истории понятия социальной динамики русскими революционерами-демократами я преднамеренно не останавливался на выводах, которые были ими сделаны, и сопутствующих теоретических построениях как не имеющих прямого отношения к теме исследования. Но, характеризуя русскую мысль конца XIX – начала XX

века, когда столь ожесточенно дискутировалась проблема социодинамики, невозможно обойти молчанием представления о ней в лагере противоположном, наиболее плодотворным представителем которого стал Максим Максимович Ковалевский. Его социологический интерес также был прикован к понятию прогресса, каковое он считал центральной категорией социологии, без него, дескать, социология не существует как самостоятельная наука, ибо прогресс есть ее основной закон. Для обоснования этой идеи, само собой разумеется, необходимо опереться не на субъективные оценки, а на объективные критерии. В сфере экономики это возрастание степени разделения и кооперации труда, в сфере межличностных отношений – смягчение социальных антагонизмов и форм эксплуатации, в политической сфере – усиление демократических тенденций. При этом каждой ступени социального прогресса соответствует свой особый политический строй: «Государственные порядки вместо того, чтобы быть предметом свободного выбора, оказываются обусловленными всем предшествующим ходом общественного развития, в свою очередь стоящего в тесной связи с ростом знаний, техники и происходящими отсюда переменами в народном хозяйстве» [97, 57].

Характер политического устройства общества он объясняет суммой факторов (экономических отношений, завоеваний, общественной психологии, религиозных верований, плотности народонаселения, географических особенностей и т.д.), которые взаимообусловлены и не могут быть сведены только к одному, доминантному фактору.

В отличие от социодинамики, предметом которой является поступательное движение, социостатика должна исследовать конкретные формы организации общества на различных ступенях его развития. Поэтому социостатика и социодинамика представляют собой две стороны одного и того же исследовательского процесса. Даже больше, Ковалевский обращает внимание на неравномерность развития частей социальной системы. При анализе социума из совокупности взаимосвязанных общественных явлений нельзя вырывать одну какую-либо сферу деятельности и на этом основании строить выводы, потому что бывают эпохи, когда наибольшие результаты наблюдаются в экономике, тогда как искусство находится в состоянии упадка. В другие времена, наоборот, при еле заметных сдвигах в хозяйственной жизни или даже ее застое происходит расцвет художественного творчества. Всесторонний охват общественных явлений – основной принцип социологической науки. «Я думаю, – писал Ковалевский, – что выражу не только кратко, но и весьма определенно мою заветную точку зрения,

сказавши, что социология в значительной степени выиграет от того, если забота об отыскании фактора, да вдобавок еще первичного и главного, постепенно исключена будет из сферы ее ближайших задач, если в полном соответствии со сложностью общественных явлений, она ограничится указанием на одновременное и параллельное воздействие и противостояние многих причин» [96, 14].

Три русские революции, потрясшие мир, сногшибательная критика словом со стороны вождей, подкрепленная критикой оружием со стороны победившего пролетариата уничтожили отечественную школу социологии. Ее представители старательно разжигали искры революционного костра, но вспыхнувшее пламя опалило их самих. Оставшиеся в живых оказались за рубежом. Среди них был и молодой, но чрезвычайно талантливый социолог, проживший долгую творческую жизнь в Америке – Питирим Александрович Сорокин.

В то время как на Западе все большую популярность приобретают идеи веберовской понимающей социологии, Сорокин остается носителем контовских представлений о задачах социодинамики и объективности социологических законов и если уж не выражении их на языке математических формул, то, во всяком случае, обнаружении подходов, которые обеспечили бы математизацию обществознания и превращение социологии в точную научную дисциплину. В качестве одного из вариантов такого решения Сорокин предлагает знаковый подход [210]. Все социальные процессы совершаются в культурных формах. Последние в силу специфики человеческого восприятия мира наделяются символическим значением. Анализ вкладываемого в символы содержания дает социологическое понимание общественных процессов, а их информационно-количественная сторона подчиняется определенным, хотя и не изученным или изученным слабо, математическим закономерностям [211; 272]. Другое решение проблемы социодинамики связано с рассмотрением общества через призму социальной мобильности составляющих его индивидов, понимаемой как пространственное перемещение (например, современное американское общество – это общество «кочевников»: в среднем каждый пятый гражданин США ежегодно меняет место жительства [237, 492]), и как проницаемость, открытость общественных страт. И то, и другое поддается количественному определению, что, в свою очередь, позволяет характеризовать социальную организацию посредством математических формул [271].

Идеи Сорокина не были адекватно поняты на Западе, а в России и вообще остались практически неизвестными, разве что за исключе-

нием тех, которые подверглись критике со стороны В.И.Ленина [115]. С другой стороны, Сорокин, умерший в 1968 г., последним употреблял термин «социодинамика» в его контовском смысле даже тогда, когда само понятие социальной динамики ушло в область исторических преданий и оказалось применяемым только в отношении истории социальной философии.

В определенной мере и даже в значительной степени условно можно считать французскую школу структурализма представляющей направление исследований в области социостатики, а англо-американскую школу функционализма – направление исследований в области социальной динамики. Во многом такой утрате интереса к данным понятиям способствовал сам Огюст Конт, когда дал определение социологии как науке «о порядке и прогрессе человеческих обществ» и тем самым привязал социодинамику к идее прогресса. Между тем, западная социология XX-го века перестала считать «прогресс» актуальной философской категорией и удалила ее из своего лексикона, а вместе с ней растворился и образ социодинамики как научного направления. В советской философской школе, где понятие прогресса сохраняло важную роль в осмыслении социальной действительности, понятие социодинамики, однако, не употреблялось, т.к. в свое время его автор не сумел понять содержание «самого передового» учения К.Маркса.

Пожалуй, не по букве, а по духу контовских требований – опираться на конкретный фактический материал и по возможности исследовать его математическими методами – приблизился к ним американский социальный психолог Якоб Морено, введший понятия социометрии и социоартрии. Под социометрией он понимал измерение реально существующих социальных отношений, результаты которого могут быть фиксированы в матрицах, индексах и графиках, что позволит сравнивать их между собой и приходить к некоторым выводам относительно состояния общества и перспектив его изменения. Социоартрия, наоборот, должна представлять собой такое вмешательство в естественное течение событий, чтобы происходило излечение общества, если, с одной стороны, она обнаружит симптомы болезни, а с другой – даст-таки убедительные доказательства наличия у нее необходимых знаний о том, каким должно быть здоровое общество [160]. Его работы инициировали интерес к конкретным, прикладным исследованиям, так что, в конце концов, и сама социология стала ассоциироваться с ними, а так как их проведение в основном оказалось возможным на уровне малых групп или в лучшем случае на некотором объеме выборки рес-

пондентов, то полученные результаты остались ограниченными микро-социальным уровнем. И хотя в этом плане были достигнуты впечатляющие успехи [см. напр.: 140; 141; 142; 143; 144; и др.], выход на уровень макросоциальных обобщений по-прежнему встречает значительные трудности и имеет малую эффективность [55; 89].

Между тем, интерес к проблеме математизации социологических знаний не затухает, и попытки решить эту задачу не прекращаются. Это обусловлено состоянием гуманитарного знания и необходимостью его перевода из плоскости субъективно-интуитивного схватывания наличествующих социальных закономерностей (а в том, что они существуют, сомнений нет, иначе бы общество не носило характер организованной саморазвивающейся системы) и их образно-словесного выражения на уровень понимания объективности их существования и действия. А для постижения и логического оформления последнего человечество не изобрело ничего лучше символического языка математических уравнений.

Примером движения в этом направлении является ряд интересных работ. Так, С.Ю.Маслов, рассматривая архитектурные стили Европы, приходит к утверждению о наличии колебаний в художественных предпочтениях с пятидесятилетним периодом [139]. В.М.Петров [176] и Л.Г.Бояджиева обнаруживают столь же устойчивую периодичность в изменении стилей музыкальных композиций [175]. С.М.Меньшиков и Л.А.Клименко с цифрами в руках убедительно иллюстрируют проявление той же закономерности в развитии экономики с пятидесятилетним периодом колебаний «подъем-спад» [149]. Модели коррелированных процессов в духовной жизни общества рисует Е.Н.Рогов [194]. В.М.Кошкин обосновывает, применяя уравнение Больцмана, связь психологических социальных процессов с отмеченным феноменом длинных волн [105]. К характеру популяционной динамики обращается С.П.Капица [87], отмечая возможность ее аппроксимации линейной функцией. Многообещающим следует считать подход к анализу социальных явлений со стороны теории управления. Изучая общество в виде высокоорганизованной, самоуправляемой системы, мы приходим к применению в отношении к ней методов и законов кибернетики и тем самым обнаруживаем неисчерпаемые ресурсы для математического описания и решения как прикладных, так и общетеоретических задач [напр.: 93; 161; 222]. Так, признанный автор «системной динамики» Дж.Форрестер, используя количественные методы в своих социальных исследованиях, создает математические модели ряда общественно-экономических процессов и дает компьютерную обработку данных. И

если вначале системная динамика была рассчитана на решение конкретных проблем управления в промышленности, то вскоре стало ясно, что она может быть применена также и для анализа сложных экономических, экологических, социальных явлений. Исходя из того, что всякий общественный феномен относится к сложным системным образованиям, т.е. обязательно включает наряду с многосторонними связями элементов и петлю обратного воздействия по цепочке от исходных актов к их результатам, он строит динамические модели различных масштабов вплоть до модели развития мирового сообщества.

Иную, информационно-коммуникативную конструкцию излагает А.Моль в обстоятельном исследовании, посвященном социодинамике культуры [157]. О пробуждении интереса к проблемам динамики общественных систем свидетельствует и работа П.Штомпка «Социология социальных изменений» [244]. В ней автор использует традиционный для гуманитариев подход с подробным анализом теоретического наследия по изучению общественного развития, исследует понятие прогресса и, наконец, описывает факторы, инициирующие социальные изменения. Также заслуживают внимания постановка и решение проблемы математического моделирования механизма возникновения и удовлетворения потребностей, как на личностном, так и на коллективном уровнях, предложенные Г.А.Голицыным [50; 51].

Несмотря на достигнутые названными авторами успехи, удручает то обстоятельство, что, будучи в большинстве своем математически верными и предельно корректными, они чаще всего остаются абстрактными – в смысле правильности определения качественных параметров социальных феноменов, но лишенными возможности количественного взвешивания явлений общественной жизни. То, что отражается уже существующей философской лексикой, подвергается формализации, которой явно не хватает введения точных количественных измерений. Они либо принципиально не могут быть выражены в каких-либо единицах измерения, либо не доступны градации при нынешнем уровне наших знаний. А именно это требуется от математических формул, претендующих на описание процессов.

Тем не менее, общее движение, идущее от формулирования философской концепции как ключа к решению задачи, поставленной О.Контом, представляется оправданным. В ходе конкуренции точек зрения и теоретических построений, надо полагать, в конце концов, будет найден способ количественного взвешивания фактов общественной жизни. Действительно, масса эмпирического материала сама по себе не способна дать социологическую теорию. Прежде его изучения

должна быть составлена гипотеза о наличии определенной связи между имеющимися конкретными данными, которая затем проверяется фактами или опровергается ими. Таким образом, первое требование – это наличие фактического материала, могущего быть обнаруженным, извлеченным и измеренным. Второе – формулировка гипотезы или, иначе говоря, философских оснований, определяющих качественную сторону рассматриваемых процессов, и введение на этом фундаменте математических построений, показывающих (пока еще возможную) связь эмпирической фактуры. И, в-третьих, – подстановка в выведенные уравнения количественно измеренной конкретики, что и должно служить проверкой на работоспособность выдвинутой и философски осмысленной гипотезы. Ньютонское «в гипотезах не нуждаюсь» – не более чем красивая фраза, будучи вырванной из контекста, искажающая сам ход его размышлений в «Началах натуральной философии» (да и сказана она была в общем-то по другому поводу). Гипотеза есть необходимое условие становления теории, в которую она превращается при ее подтверждении опытным путем.

Поскольку научный эксперимент в социальных науках, по сути, невозможен, его место занимает статистика. Она-то и является «опытом» для верификации социально-философской конструкции в той же мере, в какой сбывшиеся или сбывающиеся прогнозы могут служить подтверждением ее истинности или истолковываться как таковые.

Глава первая.

Философские основания социодинамики

В 1992 году на русском языке впервые был опубликован роман-трилогия Айзека Азимова «Фонд» (в другом переводе – «Академия»), представляющий собой часть многотомной фантастической эпопеи, в которой...

Впрочем, я далек от мысли осуществить литературоведческий анализ достоинств этого произведения. Упоминание же о нем обусловлено тем, что знаменитый американский писатель-фантаст через одного из главных действующих лиц повествования, Харри Селдона, вводит и обосновывает правомочность понятия «психоистория» в применении к области научных знаний, где воедино сплетаются психология, история, социология и математика.

То, что развитие социологической мысли, а более точно – методики футурологического прогнозирования, становится сюжетной линией фантастического произведения, отнюдь не случайно. Так было и в XIX веке, когда западная цивилизация вплотную подошла к порогу научно-технической революции, – именно научные открытия и технические усовершенствования дразнили воображение и побуждали дерзновенную мечту (достаточно вспомнить романы Жюль Верна). Так обстоит дело и в начале XXI века, когда гуманитарная мысль встала перед необходимостью создания новой, «постклассической» модели мира и социального устройства [78, 37–43].

С другой стороны, такое соединение социологии и литературного жанра фантастики в значительной мере отвечает духу самой этой науки. Неугомонный человеческий гений всегда был слит с безудержной фантазией, а желание проникнуть мысленным взором в грядущее являлось неотъемлемой частью человеческого бытия. Индивид ли, обеспокоенный своей личной судьбой, общество ли в целом, оказавшееся на распутье, извечно стремились приоткрыть завесу, отделяющую завтрашний день, то посредством гадания на кофейной гуще, то при помощи астрологических гипотез, или – мечтательным взглядом поэтов, вольнодумцев, пророков и провидцев схватить туманные очертания будущего [62, 265–283].

Не могу сказать, что представляемая работа уже является законченной теорией, дающей ответы на все вопросы футурологии и социологии, или завершенной и совершенной, позволяющей строить абсо-

лютно достоверные прогнозы. Это только очертания, только шаг в означенном направлении. Более того, я не даю здесь никаких предсказаний относительно будущего, и все примеры, приводимые в подтверждение предлагаемой концепции, взяты из исторического прошлого. Хотя сама концепция в конечном итоге нацелена именно на раскрытие законов социального движения. Тем паче, что, пожалуй, никогда, как сегодня, эта задача не стояла со всей полнотой практической потребности. Не говоря уже о глобальном кризисе технократической цивилизации, достаточно показателен наш собственный пример – пример общества, которое, как былинный богатырь, остановилось на перекрестке трех дорог: направо пойдешь – голову потеряешь, налево пойдешь – коня потеряешь, а прямо пойдешь – ничего не найдешь!

1.1. Исходные положения

Несмотря на то обстоятельство, что классическая модель общественного развития однозначно признавала наличие динамических закономерностей, лежащих в его основе, а постклассическое понимание приобретает все большее число сторонников и относительно «неопределенности» бытия приводятся все более веские аргументы [119], до настоящего времени ни та, ни другая концепции не дали убедительного примера аналитического расчета макросоциальных процессов, который показал бы применимость математических методов к изучению социальных систем и прогнозированию их поведения. Возможно, дело осложняется непереводаемостью на язык формул того, как намерения людей, цели, которые они ставят перед собой, никогда, или по большей части никогда, не соответствуют результатам их деятельности (что, в свою очередь, обуславливает непрерывность активного отношения человека к миру вообще и к миру людей, в частности).

Между тем, существует устойчивое представление: любая наука может носить это гордое звание и воистину называться наукой, только если в состоянии описывать количественно-качественные изменения изучаемого объекта на языке уравнений, тем самым с достаточной степенью точности давая прогноз его поведения. Галилео Галилей утверждал, что книга природы написана математическими символами, и упрямая вера в возможность познания замысла «Великого геометра» вела его к открытию законов механики. Нет оснований полагать, что по отношению к обществу дело обстоит как-либо иначе и скрижали человеческого бытия имеют другое начертание, чем в Книге Судеб физических явлений. Но, видимо, сама наука об обществе находится поныне в

той стадии становления, в которой во времена Галилея пребывала наука о природе.

Это обстоятельство в значительной мере роднит ее с современным пониманием субатомарных процессов. Наверно, поэтому между ними часто проводится параллель – и тут, и там, вроде бы, существует лишь вероятностная определенность событий. Отсюда, кажется, и по отношению к обществу логически должен следовать вывод: как на личностном, так и на межличностном уровнях, в том числе и тогда, когда действуют большие массы людей, не существует закономерностей, непосредственно приводящих к заранее заданному итогу.

Однако, руководствуясь гегелевским «я сомневаюсь даже в том, что я сомневаюсь», возьмем на себя смелость поставить под знак вопроса и «классический» детерминизм, и «постклассическую» неопределенность. Лаплас, которого считают патриархом классического детерминизма, в то же время явился родоначальником теории вероятностей. Именно он обратил внимание на тот факт, что движение, скажем, Луны, по видимости столь жестко подчиненное третьему закону Ньютона, на самом деле совершается так, как если бы она, будучи взятой в качестве математической точки, заметала довольно широкую полосу вероятных значений своего местоположения.

Может быть, в общефилософском плане имеет смысл представлять дело следующим образом: когда речь идет о несущественных отклонениях от функции, аппроксимирующей поведение какого-либо объекта, мы склоны не замечать их и говорить о законах, формулировка которых отражает динамические связи с явной зависимостью следствий от причин; если же колебания оказываются значительными, мы с нашей, человеческой «кочки» зрения провозглашаем их вероятностно определенными и уже не замечаем динамические закономерности, спрятанные в глубинах того, что кажется случайным. Данный тезис побуждает к более пристальному изучению социальной динамики с применением в ходе научного поиска строго логических доказательств и математического аппарата.

Именно поэтому я сделал ссылку на «селдоновскую» идею психоистории. В ней есть нечто общее с контовской социодинамикой. И это «нечто» состоит, во-первых, в том, что «селдоновская» психоистория признает приоритет психологии при изучении, объяснении и понимании переплетения человеческих судеб и коллизий развития образуемых ими социальных объединений. То же и в области социодинамики. Поскольку все социальные процессы осуществляются при участии людей и иначе происходить не могут, постольку человеческая

психика обязательно присутствует во всех общественных событиях, и особенности ее, хотя часто остаются «за кадром» в ходе рассмотрения исторических фактов, по сути, присутствуют в них всегда и как личность исследователя, и как совокупность индивидов, образующих исследуемый объект. Во-вторых, другой существенной посылкой «психоистории» выступает особая роль исторической науки (почему, собственно, и «психоистория»), фактологический материал которой предоставляет обширный полигон для отработки методов изучения общественной реальности и редукции ее к математически формализованному виду. Поскольку же историческое движение общества состоит в прогрессирующем усложнении его структуры и соответственно в усложнении социальных процессов, то начинать, по мнению Селдона (Азимова), следует, и с этим трудно не согласиться, с наиболее простых, а значит, и отдаленных по времени событий общественной жизни. Эти задачи с необходимостью ставятся и перед социодинамикой, но само ее название указывает на повышенный интерес к поиску, обнаружению и рассмотрению динамических характеристик функционирования социальных образований, пробивающихся сквозь ворох статистического материала с его разнузданной непредсказуемостью.

Понятие социодинамики, как мы видели, относительно давно вошло в лексикон обществоведов, но применялось чаще всего в значении движения, причем движения в виде необратимых изменений. Однако, на мой взгляд, необходимо его сближение с такими разделами научного знания, как динамика (теоретическая механика), термодинамика, электродинамика и пр. Иначе говоря, под социодинамикой следует понимать науку, изучающую социальные процессы как протекающие под действием известных сил, взвешивание которых приводит к определению функций, описывающих движение социального объекта.

Все же прежде, чем приступить к изложению содержания заявленной темы, думается, надлежит ввести группу аксиом, без которых осуществление подобной претензии не представляется возможным, и которые в явном или неявном виде будут присутствовать в качестве оснований всей работы. К тому же, есть неизъяснимая прелесть в логическом построении, опирающемся на аксиоматические положения. Но, к сожалению (или к счастью?), зачастую аксиомы не столь уж очевидны, а начинать с чего-либо, принимаемого несомненно, если идти этим путем, все-таки надо, — введение дополняющих постулатов мне кажется наиболее резонным. В этом плане вообще можно заметить, что любое логическое построение начинается с позиции веры. Но в отличие от аксиом, вера в которые основана на их бесспорности, хотя теорети-

Литература

1. Абишев К. Человек, индивид, личность. – Алма-Ата: Казахстан, 1978. – 166 с.
2. Агацци Э. Человек как предмет философии // Вопросы философии. – 1989. – № 2. – С.24–34.
3. Алексеев В.П. Географические очаги формирования человеческих рас. – М.: Мысль, 1985. – 236 с.
4. Анисимов С.Ф. Духовные ценности: производство и потребление. – М.: Мысль, 1988. – 253 с.
5. Алтухов Ю.П. Генетические процессы в популяциях. – М.: Наука, 1983. – 279 с.
6. Андреев И.Л. Происхождение человека и общества. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Мысль, 1988. – 415 с.
7. Анохин П.К. Философские аспекты теории функциональной системы: Избр. тр. – М.: Наука, 1978. – 400 с.
8. Анохин П.К. Системные механизмы высшей нервной деятельности: Избр. тр. – М.: Наука, 1979. – 454 с.
9. Анохин П.К. Узловые вопросы теории функциональной системы: Избр. тр. – М.: Наука, 1980. – 198 с.
10. Аристотель. Метафизика. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – Т.1. / Ред. В.Ф.Асмус. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
11. Аристотель. Физика. // Аристотель. Сочинения в 4-х томах. – Т.3. – М.: Мысль, 1981. – С.59–262.
12. Афанасьев В.Г. Системность и общество. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
13. Баглай В.Е. К вопросу о характере рабства у ацтеков. // Вестник древней истории. – 1981. – № 3. – С.168–177.
14. Бахвалов Н.С. Численные методы. – М.: Наука, 1973. – 632 с.
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
16. Бедный М.С. Медико-демографическое изучение населения. – М.: Статистика, 1979. – 223 с.
17. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Изд-во «Правда», 1989. – 608 с.
18. Бердяев Н.А. Судьба России. // Родина. – 1989. – № 2. – С.64–66.
19. Бердяев Н.А. Философия неравенства. /Сост., предисл. и примеч. Л.В.Полякова. – М.: ИМА-пресс., 1990. – 288 с.
20. Бердяев Н.А. Русская идея. // Вопросы философии. – 1990. – № 1. – С.77–144; № 2. – С.87–154.
21. Бердяев Н.А. О современном национализме. // Философские науки. – 1991. – № 3. – С.99–104.

22. Блонский П.П. Очерки детской сексуальности. – Л.-М.: Центральный институт охраны здоровья детей, 1935. – 124 с.
23. Блонский П.П. Избранные педагогические произведения. – М.: Педагогика, 1961. – 695 с.
24. Бодалев А.А. Личность и общение: Избр. тр. – М.: Педагогика, 1983. – 271 с.
25. Борбели А. Тайна сна: Пер. с нем. – М.: Знание, 1989. – 191 с.
26. Бочаров М.К. О понятии «информация» и «знак». // НТИ – 1967. – № 2. – С.5–8.
27. Браверман Э.М., Левин М.И. Неравновесные модели экономических систем. – М.: Наука, 1981. – 301 с.
28. Будычко М.И. Эволюция биосферы. – Л.: Гидрометеиздат, 1984. – 488 с.
29. Бueva Л.П. Человек: Деятельность, общение. – М.: Мысль, 1978. – 216 с.
30. Булгаков С. Философский смысл троичности. // Вопросы философии. – 1989. – № 12. – С.90–98.
31. Бычков Б.Б. Информация и личность. // Вестник Московск. ун-та. / Сер.Философия. – М.: Изд-во МГУ, 1972. – № 1. – С.13–21.
32. Вентцель Е.С. Теория вероятностей. – М.: Наука, 1964. – 564 с.
33. Вентцель Е.С., Овчаров Л.А. Прикладные задачи теории вероятностей. – М.: Радио и связь, 1983. – 416 с.
34. Вернадский В.И. Биосфера. – М.: Наука, 1967. – 360 с.
35. Вернадский В.И. Живое вещество. – М.: Наука, 1978. – 358 с.
36. Вернадский В.И. Проблемы биогеохимии. – М.: Наука, 1980. – 320 с.
37. Вернадский В.И. Очерки геохимии. – М.: Наука, 1983. – 422 с.
38. Вернадский В.И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1987. – 340 с.
39. Волков Ю.Г. Социальный механизм формирования всесторонне и гармонично развитой личности. – М.: Мол. гвардия, 1984. – 276 с.
40. Волков Ю.Г., Гулиев М.А., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И. Социология: история и современность. Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. Ростов-на-Дону, 2007. – 668 с.
41. Гак Г.М. Диалектика коллективности и индивидуальности. – М.: Мысль, 1967. – 167 с.
42. Галандерс У.А. О монистической и дуалистической тенденциях в исследовании биосоциальной проблемы. // Биологическое и социальное в формировании целостной личности. – Рига: Изд-во Рижск. ун-та, 1977. – С.4–22.
43. Гвишиани Д.М., Мшвениерадзе В.В. Философские проблемы взаимодействия культуры, политики и научно-технического прогресса. // Философия и культура. / Под ред. В.В.Мшвениерадзе. – М.: Наука, 1987. – С.22–68.

44. Германова О.Е. Использование марксистской и западной методологий в обосновании показателя производительности труда. // Проблемы. Поиски, Решения. Концепции докторских диссертаций. – Ростов н/Д, 1995. – С.221–230.
45. Гиренок Ф.И. Экология: Цивилизация: Ноосфера. – М.: Наука, 1987. – 182 с.
46. Гирусов Э.В. Система «общество-природа»: Проблемы социальной экологии. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 167 с.
47. Гирусов Э.В. Основные исторические этапы взаимодействия общества и природы. // Общество и природа. – М.: Наука, 1981. – С.48–57.
48. Гмурман В.Е. Теория вероятностей и математическая статистика. – Изд. 4-е, доп. – М.: Высш. шк., 1972. – 368 с.
49. Гнеденко Б.В. Курс теории вероятностей. – М.: Физматгиз, 1961. – 406 с.
50. Гнеденко Б.В., Коваленко И.Н. Введение в теорию массового обслуживания. – М.: Наука, 1966. – 431 с.
51. Голицын Г.А. Информация и творчество: На пути к интегральной культуре. /Гос.ин-т искусствоведения. – М.: Русский мир, 1997. – 304 с.
52. Голицын Г.А. Эмоции как инструмент оптимального управления в искусстве. // Материалы международного науч.симп. «Эмпирическая эстетика: информационный подход». – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1997. – С.63–75.
53. Горшков М.Н. Общественное мнение: История и современность. – М.: Политиздат, 1988. – 383 с.
54. Грушин Б.А. Мнения в мире и мир мнений. – М.: Политиздат, 1967. – 400 с.
55. Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. – М.: Политиздат, 1987. – 367 с.
56. Гусейнова А.С., Павловский Ю.Н., Устинов В.А. Опыт имитационного моделирования исторического процесса. / Под ред. Н.Н.Моисеева. – М.: Наука, 1984, 157 с.
57. Гумилев Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. – М.: Экспресс, 1992. – 336.
58. Гурбанов Н.И. Образное и знаковое в чувственном отображении. // Философские науки. – 1980. – № 5. – С.57–65.
59. Гурбанов Н.И. О специфике знака. // Философские науки. – 1981. – № 4. – С.56–64.
60. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. – М.: Искусство, 1972. – 317 с.
61. Гуревич А.Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.

62. Давидович В.Е. О родовой сущности человека. // Философские науки. – 1973. – № 3. – С.107–110.
63. Давидович В.Е. В зеркале философии. – Ростов н/Д: Изд-во «Феникс», 1997. – 448 с.
64. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. – Т.2. – М.: ТЕРРА, 1995. – 782 с.
65. Данилова Н.Н., Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 399 с.
66. Деревянко Т.Н. Природа человека и его сущность как философская проблема. // Проблемы философии. / Отв. ред. Н.В.Дученко. – Киев, 1985. – Вып. 66. – С.64–71.
67. Дерябин В.С. Психология личности и высшая нервная деятельность. – Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1980. – 200 с.
68. Дубровский Д.И. Психические явления и мозг. – М.: Наука, 1971. – 386 с.
69. Дубровский Д.И. Информация, сознание, мозг. – М.: Высш. шк., 1980. – 286 с.
70. Дубровский Д.И. Проблема идеального. – М.: Мысль, 1983. – 228 с.
71. Дэвис П. Случайная Вселенная. – М.: Мир, 1985. – 160 с.
72. Дювиньо П., Танг М. Биосфера и место в ней человека: Экологические системы и биосфера. – М.: Прогресс, 1973. – 268 с.
73. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда: Метод социологии: Пер. с фр. / Изд.подгот.А.Б.Гофман. – М.: Наука, 1991. – 572 с.
74. Дюркгейм Э. Самоубийство: Социологический этюд: Пер. с фр. – СПб: Союз, 1998. – 496 с.
75. Жвирблис В.Е. Космофизические истоки диссимметрии живых систем. // Принцип симметрии и системности в химии. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – С.87–106.
76. Житнев В.Б. Общественное мнение в социальном управлении. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1987. – 165 с.
77. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М.: изд-во «Агентство печати Новости», 1971. – 704 с.
78. Иванчук Н.В. Потребности социалистической личности. – М.: Мысль, 1986. – 190 с.
79. Ильин В.В. Постклассическое обществознание: каким ему быть? //Социологические исследования. – 1992. – № 10. – С.37–43.
80. Каган М.С. Человеческая деятельность: Опыт системного анализа. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
81. Каган М.С. Общение как философская проблема. // Философские науки. – 1975. – № 2. – С.40–51.
82. Каган М.С. Человек как субъект общения. // Методологические проблемы изучения человека в марксистской философии. / Отв. ред. В.А.Штофф. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – С.71–82.

83. Казначеев В.П., Яншин А.Л. Преобразование биосферы и проблемы экологии человека. // Вест. АН СССР. – 1980 – № 9. – С.67–71.
84. Казначеев В.П. Очерки теории и практики экологии человека. – М.: Наука, 1983. – 260 с.
85. Казначеев В.П. Учение В.И.Вернадского о биосфере и ноосфере. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1989. – 248 с.
86. Как провести социологическое исследование: В помощь идеол. активу. / Под ред. М.К.Горшкова, Ф.Э.Шерем. – М.: Политиздат, 1990. – 228 с.
87. Кант И. Основы метафизики нравственности. // И.Кант: В 6 т. – М.: Мысль, 1965. – Т.4. – Ч.1. – С.219–310.
88. Капица С.П. Динамика народонаселения. // Успехи физических наук. – М., 1996. – Т.166. – № 1. – С.63–79.
89. Карамзин Н.М. История государства Российского: Кн.1. – Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1989. – 527 с.
90. Карбонье Ж. Юридическая социология: Пер. с фр. и вступит. ст.[с.5–26] В.А.Туманова. – М.: Прогресс, 1986. – 351 с.
91. Карнеги Д. «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей», «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично», «Как перестать беспокоиться и начать жить»: Пер. с англ. / Общ. ред. и предисл. Зинченко В.П. и Жукова Ю.М. – Владивосток: Изд-во Дальневост.ун-та, 1991. – 672 с.
92. Кимура Д. Половые различия в организации мозга. // В мире науки. – 1992. – № 11–12. – С.73–80.
93. Клименко Н.Е. К вопросу о «человеческой природе». // Философские науки. – 1982. – № 4. – С.157–160.
94. Клир И. Абстрактное понимание системы как методологическое средство. // Исследования по общей теории систем. Сборник переводов [с англ. и польск.] / Общ. ред. и вступит. ст. [с.3–22] В.Н.Садовского и Э.Г.Юдина – М.: Прогресс, 1969. – С. 287–319.
95. Кнорозов Ю.В. Иероглифические рукописи майя. – Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1975. – 272 с.
96. Количественные методы в социологии. / Под ред. А.Г.Аганбегяна. – М.: Наука, 1966. – 356 с.
97. Ковалевский М.М. Современные социологи. – СПб: Изд-во Л.Ф.Пантелеева, 1905. – 413 с.
98. Ковалевский М.М. Социология: В 2-х т. – Т.1. – СПб, 1910. – 282 с.
99. Ковалевский М.М. Социология: В 2-х т. – Т.2. – СПб, 1910. – 296 с.
100. Коваленко И.М., Филиппова А.А. Теория вероятностей и математическая статистика. – М.: Высш. шк., 1973. – 368 с.
101. Ковальзон В.М. Парадоксы парадоксального сна. // Природа. – 1982. – № 8. – С.74–79.

102. Компьютерное моделирование социально-политических процессов. / Шатров О.Ф., Анохин М.Г., Дзлиев М.И. и др.; Под общ. ред. Шатрова О.Ф. – М.: Интерпрако, 1994. – 112 с.
103. Конт О. Курс положительной философии. – Т.1. – СПб, 1899.
104. Конт О. Курс положительной философии. – Т.2. – СПб, 1900.
105. Коробейников В.С. Пирамида мнений: Общественное мнение: природа и функции. – М.: Мол. гвардия, 1981. – 222 с.
106. Кошкин В.М. Периодические процессы в психологии и экономике. // Материалы международного науч. симп. «Эмпирическая эстетика: информационный подход». – Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1997. – С.103–117.
107. Кричевский И.Р. Понятие и основы термодинамики. – М.: Изд-во «Химия», 1970. – 440 с.
108. Кропоткин П.А. Взаимная помощь как фактор эволюции. – М., 1918.
109. Кропоткин П.А. Хлеб и воля; Современная наука и анархия. – М.: Правда, 1990. – 638 с.
110. Кутырев В.А. Современное социальное познание: Общенаучные методы и их взаимодействие. – М.: Мысль, 1988. – 202 с.
111. Кэнделл Э.Р., Хокинс Р.Д. Биологические основы обучения и индивидуальности. // В мире науки: Пер. с англ. – 1992. – № 11–12. – С.43–51.
112. Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 8 т. – Т.1. – М., 1934.
113. Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2-х т. – Т.1. – М.: Политиздат, 1965.
114. Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв.: В 2-х т. – Т.2. – М.: Политиздат, 1965.
115. Ленин В.И. Крах II Интернационала. // В.И.Ленин. ППС, Т.26. – С. 209–265.
116. Ленин В.И. Ценные признания Питирима Сорокина. // В.И.Ленин. ППС., Т.37. – С. 188–197.
117. Леонтьев А.Н. Потребности, мотивы и эмоции: Конспект лекций. – М.: Изд-во МГУ, 1971. – 40 с.
118. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1975. – 303 с.
119. Леонтьев А.Н. Знак и деятельность. // Вопросы философии. – 1975. – № 10. – С.118–125.
120. Лешкевич Т.Г. Неопределенность в мире и мир неопределенности. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1994. – 231 с.
121. Литература древнего Востока. Иран, Индия, Китай (тексты). / Авторы-сост. Ю.М.Алиханова, В.Б.Никитина, Л.Е.Померанцева. – М.: Изд-во МГУ, 1984. – 352 с.

122. Лукичев П.Н. Методологические предпосылки исследования исторической типологии личности. – Дисс. канд. философ. наук. – Ростов н/Д, 1990. – 240 с.
123. Лукичев П.Н. Общая социология. – Новочеркасск: Изд-во «Пресс-сервис», 1993. – 52 с.
124. Лукичев П.Н., Скорик А.П. Фаллический культ: социо-исторический анализ. // Социологические исследования. – 1994. – № 12. – С.80–88.
125. Лукичев П.Н. О задачах и перспективах научного направления «Цивилизация и человек: проблемы развития». : Материалы науч.-теорет.конф., НГТУ, 18–19 апр. 1995 г. – Ростов н/Д: Изд-во «Пегас», 1995. – С.3–4.
126. Лукичев П.Н., Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Казачий феномен во всемирной истории. // Казачий Дон: Очерки истории. / А.П.Скорик, Р.Г.Тикиджьян и др. – Ч.1. – Ростов н/Д: Изд-во обл. ИУУ, 1995. – С. 25–66.
127. Лукичев П.Н. Демографические теоремы. // Цивилизация и человек: проблемы развития.: Материалы 2-ой науч.-теорет. конф., НГТУ, г.Новочеркасск, 24 апр. 1996 г. – Ростов н/Д: изд-во «Пегас», 1996. – С.15–17.
128. Лукичев П.Н. Ситуационная постоянная. // Лосевские чтения: Материалы науч.-теорет.конф. «Цивилизация и человек: проблемы развития», НГТУ, г. Новочеркасск, 5 мая 1998 г. – Ростов н/Д: Изд-во «Пегас», 1998. – С.28–35.
129. Лукичев П.Н., Переяслова И.Г. Мера пассионарности. // Лосевские чтения: Материалы науч.-теорет.конф. «Цивилизация и человек: проблемы развития», ЮРГТУ, г. Новочеркасск, 5 мая 1999 г. – Ростов н/Д: Изд-во «Пегас», 1999. – С.61–65.
130. Лукичев П.Н. Демографическое давление. // 2000 лет от Рождества Христова: Проблемы, итоги и перспективы развития мировой цивилизации.: Материалы науч.-теорет. конф. «Цивилизация и человек: проблемы развития», ЮРГТУ, г. Новочеркасск, 24 дек. 1999 г. – Ростов н/Д: Изд-во «Пегас», 2000. – С.53–59.
131. Мавродин В.В. Происхождение русского народа. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 183 с.
132. Майоров Ф.П. Нервный механизм сновидений. – Л.: Наука, Ленинградск. отделение, 1970. – 149 с.
133. Маликов А.В. Теория иерархических пространств: К согласованию системной и физической картин мира. // Система. Симметрия, Гармония. / Под ред. В.С.Тюхтина, Ю.А.Урманцева. – М.: Мысль, 1988. – 315 с.
134. Мальтус Т.Р. Опыт о законе народонаселения. – Петрозаводск: Петроком, 1993. – 136 с.

135. Марголис Дж. Личность и сознание: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 420 с.
136. Маргулис А.В. Проблема потребности в историческом материализме. – Белгород: Изд-во БГПИ, 1971. – 123 с.
137. Маргулис А.В. Категория деятельности человека. // Философские науки. – 1975. – № 2. – С.42–48.
138. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т.1. – Кн.1. Процесс производства капитала. – М.: Политиздат, 1983. – 905 с.
139. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. – М.: Политиздат, 1988. – XVI – 574 с.
140. Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия. // Семиотика и информатика. – 1983. – Т.20. – № 20. – С.3–34.
141. Математические методы в современной буржуазной социологии: Сборник статей. / Общ. ред. и вступит. ст. д-ра философ. наук Г.В.Осипова. – М.: Прогресс, 1966. – 407 с.
142. Математика в социологии: Моделирование и обработка информации. / Ред. [и авт. предисл.] А.Г.Аганбегян [и др.]: Пер. с англ. Л.Б.Черного; Под ред. А.Г.Аганбегяна и Ф.М.Бородкина. – М.: Мир, 1977. – 551 с.
143. Математические методы анализа и интерпретации социологических данных. / Отв.ред. В.Г.Андреев, Ю.Н. Толстова; АН СССР, Ин-т социологии. – М.: Наука, 1989. – 175 с.
144. Математические методы в исторических исследованиях. Сборник статей. / Ред. коллегия: И.Д. Ковальченко (отв. ред.) и др. – М.: Наука, 1972. – 234 с.
145. Математические методы в социальных науках. Сборник статей. / Под ред. П.Лазерсфельда и Н.Генри: Сокр. пер. с англ. – М.: Прогресс, 1973. – 351 с.
146. Матяш Т.П. Сознание как единство нерелексивности и релексивности. – Дисс.докт.философ.наук. – Ростов н/Д, 1990. – 334 с.
147. Машкин Н.А. История древнего Рима. – М.: Изд-во политической литературы, 1947. – 679 с.
148. Межеричкий Я.Ю. «Республиканизм» как идеология принципата Августа. // Науч. чтения по всеобщ. истории, посвящ. памяти акад. С.Д.Сказкина. / Отв. ред. И.М. Узнаровов. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ. 1992. – С.8–11.
149. Мелюхин С.Т., Кевбрин Б.Ф. Виды детерминации развития материальных систем. // Философские науки. – 1985. – № 5. – С.41–47.
150. Меньшиков С.М., Клименко Л.А. Длинные волны в экономике: Когда общество меняет кожу. – М.: Международные отношения, 1989. – 269 с.
151. Миженская Э.Ф. Личные потребности при социализме. – М.: Наука, 1973. – 152 с.

152. Мизес Людвиг фон. Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции. / Пер. с англ., под ред. проф. А.Г.Грязновой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. – 295 с.
153. Михайлов Н.Н. Социализм и разумные потребности личности. – М.: Политиздат, 1982. – 191 с.
154. Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избр. труды по социологии в 2-х томах. Т.1. / Отв. ред. В.В.Козловский. – СПб: Алтея, 1998. – 361 с.
155. Михайловский Н.К. Герои и толпа: Избр. труды по социологии в 2-х томах. Т.2. / Отв. ред. В.В.Козловский – СПб: Алтея, 1998. – 405 с.
156. Моисеев Н.Н. Алгоритмы развития. – М.: Наука, 1987. – 304 с.
157. Моисеев Н.Н. Экология человечества глазами математика: Человек, природа и будущее цивилизации. – М.: Мол. гвардия, 1988. – 254 с.
158. Моль А. Социодинамика культуры: Пер. с фр. / Вступит. статья [5–22], ред. и примеч. Б.В.Бирюкова [и др.]. – М.: Прогресс, 1973. – 406 с.
159. Момджян Х.Н. Проблемы общественного прогресса в современной идеологической борьбе. – М.: Мысль, 1991. – 80 с.
160. Мордухай-Болтовской Д. Математические и умозрительно-философские исследования основного психо-физического закона. – Варшава, 1907. – 52 с.
161. Морено Дж. Социометрия. Экспериментальный метод и наука об обществе: Пер. с англ. В.М.Корзинкина. Ред., пер. и предисл. М.Ш.Бахитова. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 289 с.
162. Мороз А.И. Курс теории систем. – М.: Высш. шк., 1987. – 304 с.
163. Мячин В.А., Павловская М.Э., Петров Н.В. Географические особенности выборов. // Весна-89: География и анатомия парламентских выборов. / Под ред. В.А.Колосова, Н.В.Петрова, Л.В.Смирнягина. – М.: Прогресс, 1990. – С.107–143.
164. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. / Госкомстат РСФСР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 471 с.
165. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. ежегодник. / Госкомстат СССР. – М.: Финансы и статистика, 1987. – 766 с.
166. Непомнящий Н. Тайны старой Африки. // Вокруг света. – 1985. – № 5. – С.44–45.
167. Нефедов С.А. История Поднебесной: Роман истории. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1992. – 168 с.
168. Новиков И.Д., Полнарев А.Г., Розенталь И.Л. Численные значения фундаментальных постоянных и антропный принцип. // Проблема поиска жизни во Вселенной. – М.: Наука, 1986. – С.36–40.
169. Ньютон И. Математические начала натуральной философии: Пер. с латин. / Под ред. Л.С.Полака; [АН СССР]. – М.: Наука, 1989 – 687 с.
170. Овчаров Л.А. Прикладные задачи теории массового обслуживания. – М.: Машиностроение, 1969. – 324 с.

171. Орлов. В.В. О всеобщем характере закона отрицания отрицания. //Диалектика отрицания отрицания.(Над чем работают и о чем спорят философы). – М.: Политиздат, 1983. – С.99–112.
172. Пайтген Х.-О., Рихтер П.Х. Красота фракталов: Образы комплексных динамических систем: Пер. с англ. – М.: Мир, 1993. – 176 с.
173. Паниотто В.И. Структура межличностных отношений. Методика и математические методы исследования. – Киев: Наукова Думка, 1975. – 128 с.
174. Парсонс Т. Общий обзор. // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы: Пер. с англ.– М.: Прогресс, 1972. – С.360–378.
175. Паршев А.П. Почему Россия не Америка: Книга для тех, кто остается здесь. – М.: Крымский мост – 9Д, Форум, 2001. – 411 с.
176. Петров В.М., Бояджиева Л.Г. Перспективы развития искусства: методы прогнозирования. / Гос. ин-т искусствознания. – М.: Русский мир, 1996. – 158 с.
177. Петров В.М. Прямое и не прямое воздействие искусства: проблема методологии и методики исследования. / Гос. ин-т искусствознания; Международная ассоциация эмпирической эстетики. – М.: Русский мир, 1997. – 176 с.
178. Петровский А.В., Петровская В.А. Индивид и его потребность быть личностью. // Вопросы философии. – 1982. – № 3. – С.44–56.
179. Печчеи А. Человеческие качества. – М.: Прогресс, 1980. – 302 с.
180. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. – М.: Логос, 1998. – 280 с.
181. Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. – М.: Наука, 1966. – 213 с.
182. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: мысль, 1974. – 287 с.
183. Плеханов Г.В. К вопросу о роли личности в истории. // Г.В.Плеханов. Избр.философские произведения: В 5-ти томах. – Т.2. – М.: Изд-во политической литературы, 1956. – С.300–334.
184. Пригожин И., Николис Г. Самоорганизация в неравновесных системах: От диссипативных структур к упорядоченности через флуктуации: Пер. с англ. В.Ф.Пастушенко; Под ред. Ю.А.Чизмадзе. – М.: Мир, 1979. – 512 с.
185. Пригожин И.Р. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках: Пер. с англ. / Под ред. Ю.Л. Климонтовича. – М.: Наука, 1985. – 327 с.
186. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой: Пер. с англ. Ю.Н.Данилова; Общ. ред. и послесл. В.И.Аршинова и др. – М.: Прогресс, 1986. – 431 с.

187. Пригожин И.Р. Конец определенности. Время, хаос и новые законы природы: Пер. с англ. – Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 1999. – 216 с.
188. Прокопий из Кесарии. Война с готами: Пер. с греч. С.П.Кондратьева; вступит. ст. [3–60] З.В.Удальцовой. – М.: Изд-во АН СССР, 1950. – 516 с.
189. Пугачев В.С. Теория случайных функций. – М.: Физматгиз, 1962. – 659 с.
190. Пугачев В.С. Введение в теорию вероятностей. – М.: Наука, 1968. – 368 с.
191. Пугачев В.С. Теория вероятностей. – М.: Наука, 1979. – 495 с.
192. Радаев В.В. Потребности как экономическая категория социализма. – М.: Политиздат, 1970. – 223 с.
193. Развитие как регулятивный принцип. / В.П.Кохановский, Е.Я.Режабек, М.С.Орынбеков, Б.Фогель, В.Штумский: Под ред. В.П.Кохановского. – Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1990. – 104 с.
194. Резвицкий И.И. Личность, индивидуальность, общество. – М.: Политиздат, 1984. – 140 с.
195. Рогов Е.Н. Атлас истории культуры России. – М.: Круг, 1993. – 767 с.
196. Розенталь И.Л. Геометрия, динамика, Вселенная. – М.: Наука, 1987. – 145 с.
197. Россия: Энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – 922 с.
198. Ротенберг В.С., Ковальзон В.М., Цыбульский В.Л. Парадоксальный сон – защита от стресса?...// Наука в СССР. – 1986. – № 2. – С.45–51.
199. Руденко А.М., Самыгин С.И., Пономарев П.А., Бурменская Д.Н. Основы духовной культуры. Ростов-на-Дону, 2016. – 285 с.
200. Рузавин Г.И. Синергетика и системный подход. // Философские науки. – 1985. – № 5. – С.48–55.
201. Руткевич М.Н. Как поживает идея материализма в социологии. // Социологические исследования. – 1993. – № 10. – С.3–12.
202. Сабенина А.М. «Дательный самостоятельный» как высокий стилистический вариант предложения. // Восточные славяне: Языки, история, культура. / Отв. ред. Ю.Н.Караулов. – М.: Наука, 1985. – С.73–80.
203. Самыгин С.И. От естественного интеллекта к искусственному / С.И. Самыгин, А.В. Кузнецова. Ростов-на-Дону, 2012. – 135 с.
204. Самыгин С.И. Социальная безопасность России в условиях информационной реальности: монография / С.И. Самыгин, А.В. Верещагина, И.В. Печуров. М.: РУСАЙН, 2016. – 156 с.
205. Самыгин С.И., Столяренко Л.Д. Общественные настроения и будущее России // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 1996. № 3. – С. 60–66.

206. Семенов Ю.И. Философия истории от истоков до наших дней: Основные проблемы и концепции. – М.: Старый сад, 1999. – 380 с.
207. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека: Мотивационно-эмоциональные аспекты. – М.: Наука, 1975. – 175 с.
208. Симонов П.В. Мотивированный мозг: высшая нервная деятельность и естественнонаучные основы общей психологии. – М.: Наука, 1987. – 266 с.
209. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества. // Политические исследования. – 1992. – № 3. – С.153–155.
210. Соковкин В.М. О природе человеческого общения: Опыт философского анализа. – Фрунзе: Мактеп, 1973. – 116 с.
211. Соковкин В.М. Проблемы нормативного общения. // Философские науки. – 1975. – № 2. – С.49–57.
212. Соколов Ю.Н. Цикл как основа мироздания. – Ставрополь, 1990. – 142 с.
213. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. – Кн. I. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1960. – 812 с.
214. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: В 15 кн. – Кн. VII. – М.: Изд-во Социально-экономической литературы, 1962. – 728 с.
215. Сорокин П.А. Система социологии: В 2-х т. – Пг, 1920.
216. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. / Пер. с англ., комментарии и статья В.В.Сапова. – СПб: РХГИ, 2000. – 1056 с.
217. Социализм и прогресс человечества: Глобальные проблемы цивилизации. / Под общ. ред. И.Т.Фролова. – М.: Политиздат, 1987. – 446 с.
218. Социально-экономическая статистика. / Под ред. Г.Л.Громыко. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – 398 с.
219. Социология безопасности: Учебник / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин, Н.Х. Гафиятулина [и др.]; под ред. Ю.Г. Волкова. — М.: РИОР: ИНФРА-М, 2017. – 264 с.
220. Социология: Учебное пособие для бакалавров. / С.И. Самыгин, А.В. Верещагина, И.В. Тумайкин. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К»; Ростов н/Д: Наука-Спектр, 2014. – 288 с.
221. Социология: курс лекций / С.И. Самыгин [и др.]. Под ред. С.И. Самыгина. Ростов н/Д: Феникс, 2016. – 237 с.
222. Старостин А.М., Самыгин С.И., Верещагина А.В. Эволюция войны и многообразие ее форм в условиях кризиса национальной идентичности и динамики угроз информационной безопасности современного общества // Социум и власть. 2016. № 5 (61). – С. 49–54.

223. Спенсер Г. Соч., Т.1–7. – СПб, 1898–1900.
224. Стратегикон. // Вестник древней истории. – 1941. – № 1. – С.252–257.
225. Тараканов К.В., Овчаров Л.А., Тырышкин А.А. Аналитические методы исследования систем. – М.: Сов. радио, 1975. – 240 с.
226. Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: В 6-ти томах. Т.2. – М.: Изд-во политкаторжан, 1932.
227. Тринчер В.К. Расчет нарастаемых тел. / Ин-т механики – М.: Наука, 1989. – 154 с.
228. Тейяр де Шарден П. Феномен человека: Пер с франц. – М.: Прогресс, 1987. – 296 с.
229. Узнадзе Д.Н. Экспериментальные основы психологии установки. – Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1961. – 210 с.
230. Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. – М.: наука, 1966. – 451 с.
231. Урманцев Ю.А. Симметрия природы и природа симметрии: Философские и естественнонаучные аспекты. – М.: Мысль, 1974. – 121 с.
232. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее применение: В 2-х т. – Т.1 – М.: Мир, 1964. – 500 с.
233. Феллер В. Введение в теорию вероятностей и ее применение: В 2-х т. – Т.2. – М.: Мир, 1967. – 752 с.
234. Философия и методология истории. – Благовещенск: БГК им.И.А.Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 328 с.
235. Фишбах Дж.Д. Психика и мозг. // В мире науки: Пер. с англ. – 1992. – № 11–12. – С.10–20.
236. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма. // Философские науки. – 1990. – № 12. – С.65–70.
237. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма. // Философские науки. – 1991. – № 1. – С.63–70.
238. Форрестер Дж. Мировая динамика. – М.: Наука, 1978.
239. Франк С. Русское мировоззрение. // Общественные науки. – 1990. – № 6. – С.216–220.
240. Франк С. Нравственный водораздел в русской революции. // Свободная мысль. – 1992. – № 4. – С.60–64.
241. Фрейд З. Психология бессознательного: Сб. произведений. / Сост., науч. ред., авт. вступ. ст. М.Г.Ярошевский. – М.: Просвещение, 1990. – 448 с.
242. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня: Пер. с нидерл. / Общ. ред. и послесл. Г.М.Тавризян. – М.: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия», 1992. – 464 с.
243. Хинчин А.Я. Работы по математической теории массового обслуживания. – М.: Физматгиз, 1963. – 127 с.
244. Хоцей А.С. Теория общества. Философская проза: В 3-х томах. Т.1. – Казань: Изд-во «Матбугатйорты», 1999. – 295 с.

245. Хоцей А.С. Теория общества. Философская проза: В 3-х томах. Т.2. – Казань: Изд-во «Матбугатйорты», 2000. – 832 с.
246. Хоцей А.С. Теория общества. Философская проза: В 3-х томах. Т.3. – Казань: Изд-во «Матбугатйорты», 2000. – 528 с.
247. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. (Основные положения, исследование и применение). – СПб: Изд-во «Питер», 1999. – 608 с.
248. Человек и общество: Проблемы социализации индивида. / Под ред. Б.Г.Ананьева, Л.И.Спиридонова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 199 с.
249. Черчилль У. Вторая мировая война. – Ростов н/Д: «Феникс», 1997. – 640 с.
250. Чижевский А.Л. Земное эхо солнечных бурь. – М.: Мысль, 1973. – 350 с.
251. Швырков В.Б. О единстве физиологического и психического в поведении. // Психол. журн. – 1981. – Т.2. – № 2. – С.19–32.
252. Шестопалов Ю.А. Общение: Возможность и действительность. – Фрунзе: Илим, 1985. – 176 с.
253. Шилз Э. Общество и общества: Макросоциологический подход. // Американская социология: Перспективы, проблемы, методы: Пер. с англ. – М.: Прогресс, 1972. – С.341–359.
254. Штомпка. Социология социальных изменений. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 530 с.
255. Эпоха – общество – личность. / Отв. ред. М.И.Куликов. – Новгород, 1970. – 140 с.
256. Энгелькинг Р. Общая топология: Пер. с англ. – М.: Мир, 1986. – 752 с.
257. Эшби У. Принципы самоорганизации. // Принципы самоорганизации: Пер. с англ. – М.: Мир, 1966. – С.3–26.
258. Юнг К. Аналитическая психология. – М.: Мартис, 1997. – 309 с.
259. Яковлев В.П. Социальное время. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1980. – 158 с.
260. Ястребицкая А.Л. Средневековая культура и город в новой исторической науке. – М.: Интерпракс, 1995. – 416 с.
261. Barwick H., Bichter B. Zur Dialektik von Produktionsweise. – Lebensweise und Bedürfnisse Interessen.//Deutsche Zeitschrift für Philosophie. – Berlin, 1980. – № 8.
262. Bell D. The Coming of Post Industrial Society. – N-Y, 1973.
263. Bell D. The Cultural Contradictions of Capitalism. – N-Y, 1976.
264. Bertalanffy L. Biophysik des Fließgleichgewichts. Einführung in die Physik öffener Systeme und ihre Anwendung in der Biologie. – Braunschweig, 1953.
265. Bertalanffy L. General system theory. Foundations, development, applications. – N-Y, 1969.
266. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technotronic Era. – Harmondsworth: Penquin Books, 1978.
267. Fey P. Informationstheorie. – Berlin: Akademie-Verlag, 1963. – 217 S.

268. Galtung I. Menschliche Bedürfnisse – Brennpunkt für die Sozialwissenschaften. – In: Sozialwissenschaften – wozu? – Frankfurt/Mein, 1977.
269. Kluckholm C. Culture and Behavior. – N-Y, 1962.
270. Kurth G. Vorbericht über anthropologische Beobachtung bei der Jerichograbung 1955. – Homo. – Bd.6. – 1955.
271. Levi-Strausse Cl. Anthropologie structurele. – Paris, 1958.
272. Lumsden Ch.J., Wilson E.O. Genes, Mind and Culture. The Coevolutionary Process. – Harvard University Press, 1981.
273. Malinowski B. The Functional Theory. // A Scientific Theory of Culture and Other Essays. – Chapel Hill, 1944. – P.147–176.
274. Mead D.G. The philosophy of the act. – Chi., 1950.
275. Murdock G.P. Culture and Society. – Pittsburgh, 1965.
276. Murdock G.P. Social Structure. – N-Y, 1949.
277. Naveau Petit Larousse. – Paris, 1970.
278. Parsons T. The structure of social action. – N-Y, 1961.
279. Rostow W. Politics and the Stages of Growth. – Cambridge, 1971.
280. Schwidetzky J. Das Grazilisierungsproblem. – Homo. – Bd.13. – 1962.
281. Sorokin P.A. Social and cultural mobility. – Glencoe, 1959.
282. Sorokin P.A. Social and cultural dynamics. – V.1–4. – N-Y, 1962.
283. Toffler A. Future Shock. – N-Y, 1971.
284. Toffler A. Eco-Spasm. – N-Y, 1976.
285. Toffler A. Die Zukunftchance. – München, 1980.
286. Vereshchagina A., Sazhina L., Samygin S. Civilization security of third century in conditions of challenges of globalization era // Society, culture, personality in modern world // Materials of the VI international scientific conference on February 16–17, 2016. Prague, 2016. – C. 64–68
287. Weber M. Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus. – Fr/M, 1904–1905.
288. White L.A. Energy and the Evolution of Culture. // The Science of Culture. – N-Y, 1949. – P.363–393.
289. White L.A. The Concept of Culture. // American Anthropologist. – Wash., 1959. – Vol.61. – P.227–251.